

Великая дочь суфлера

150 лет Марии Ермоловой

юбилей театр

Исполнилось 150 лет со дня рождения Марии Николаевны Ермоловой — великой русской актрисы, заслуженной артистки императорских театров и первой народной артистки советской России.

Что за комиссия, создатель, писать про великих актеров прошлого. Театр, как известно, самое бескорыстное из искусств: он весь достается современникам, оставляя потомкам сущую бессмыслицу в виде письменных свидетельств, субъективных мемуаров и полустлевших костюмов. Особенно тот театр, который существовал до телевизионной эпохи. Мария Николаевна Ермолова до этой эпохи не дожила, но выпавший ей отрезок истории был не менее интересным: в театральную школу она поступила через год после отмены крепостного права, а ушла из жизни в год начала сталинской индустриализации. О чем нынче напоминает современному человеку ее имя? О музее на Тверском бульваре, о театре в начале Тверской улицы и о знаменитом портрете работы Валентина Серова — на фоне светлой стены и зеркала стоит стянутая в талии фигура немолодой строгой женщины в длинном черном платье.

Дочь суфлера Московского Малого театра, Ермолова провела всю жизнь на сцене «дома Островского». Собиралась быть балериной, но влечение к драме пересилило. Правда, педагоги в успех Маши не очень верили: смущали угловатые манеры и грубоватый голос девушки, проводшей

детство в мрачной бедности. Первый раз на сцену она попала случайно: заменила в «Эмилии Галотти» заболевшую Гликерию Федотову. Потом уже голос Ермоловой называли «могучим», восхищались благородством повадки и отточенностью сценических жестов. Да и как было не восхищаться: в 80-е и 90-е годы Мария Ермолова была властительницей дум, кумиром, вдохновителем молодежи. О ней писали многие и в столь возвышенных выражениях, что не остается сомнений: игра Ермоловой действительно производила на людей ошеломляющий эффект, переворачивала их отношение к жизни. «Она вобрала в себя все смелые идеи и идеалы своего времени и сделалась самым страстным их адвокатом», — писал современник. С сегодняшней колокольни трудно понять, как эту роль в обществе может выполнять театральная актриса, просто выходящая по вечерам к публике в разных пьесах.

В пьесах, кстати, зачастую весьма сомнительного качества. Малый театр особенной разборчивостью в репертуаре не отличался, да и вообще расцвет таланта Ермоловой пришелся на время господства эклектики на русской сцене. Она переиграла много чепухи, но для энциклопедий принято пере-

числять ее классические роли — Жанна д'Арк в «Орлеанской деве», Лоуренсия в «Овечьем источнике» Лопе де Веги, Негина в «Тлантах и поклонниках» Островского и Тугина в его же «Последней жертве», фру Альвинг в «Привидениях» Ибсена. Известно, кстати, что роли бытовые, «жизненные», требующие воспроизведения деталей человеческого поведения, Ермолова не любила. Ее влекли к себе натуры противоречивые, крупные, героические и романтические, возвышенные над прозой будней. Наверное, потому, что и сама она была очень сильной, значительной личностью. На театре от века существует понятие «внутреннее содержание» — загадочное и на самом деле редкое качество, позволяющее художнику оправдывать любой стиль и любого персонажа, заставляя зрителя забывать о реальности и приобщаться к сути искусства. У Ермоловой, очевидно, было это самое мощное, индивидуальное «внутреннее содержание». Она была носителем героико-романтического, трагедийного темперамента. И в этом опять чудится бесконечная удаленность от современного русского театра — где эти теперь трагические таланты, способные потрясать зал? Нет их и не будет уже.

Сейчас, спустя сто, а то и больше лет после ее великих премьер, глаз неприятно спотыкается о слово «пафос» в старых рецензиях, а по отношению к Ермоловой оно звучало с восторженным поклонением. Немирович-Данченко писал о той легкости, с которой она загоралась сама и зажигала слушателей. Станиславский говорил о том, что достаточно было пять минут постоять рядом с Ермоловой на сцене, чтобы самому стать талантливым. Никакого урока для потомков извлечь из этого факта нельзя. Из биографии, наверное, можно: она оставила сцену в 1921 году. Считается, что по болезни. Мы имеем право предположить, что еще и потому, что в зале Малого театра появился совсем другой зритель, с другими представлениями о романтизме, пафосе и роли личности. Последние годы ее прошли в мыслях о семье. В неудобствах езды на трамвае, в заботах об отоплении подаренного ей дома на бульваре, где теперь находится музей. Земные судьбы гениев театра обыденны и слишком зависят от причуд общества. Чтобы потомкам не было слишком обидно, принято считать, что сделанное этими гениями на сцене растворяется в воздухе театральной истории и поэтому не исчезает никуда.

РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ

Коммерсантъ. — 2003. — 16 июля. — с. 13.